

УДК 316.4

Аксенова О.В.
Aksenova O.V.

Идеология индустриализма в России: ценностные основания

The ideology of industrialism in Russia: the value basis

В статье рассматриваются ценностные основания идеологии индустриализации, сформировавшейся в Российской Империи и в СССР в ходе модернизационных процессов. Актуальность предмета обоснована необходимостью разработки идеологического сопровождения реиндустриализации. На примере изобретателей-самоучек показаны особенности традиционалистской среды, содержащей определённые установки, на базе которых складывались ценности прогресса и развития. Рассматривается трансформация идей техницизма второй половины XIX века в российских условиях, возникновение ценности прогресса в среде учёных и профессионалов. Показаны особенности советской управленческой идеологии.

Ключевые слова: идеология, индустриализм, ценности, модернизация, традиция, реиндустриализация

The paper considers the value basis of industrialization ideology shaped in the Russian Empire and USSR during the modernization processes. The actuality of the issue is related to the necessity of the ideology development of re-industrialization. The case of self-taught inventors is used to show the specific features of Russian traditionalism that contains the values of progress and development. The paper analyses transformation of the technocratic ideas of the second half of XIX century under Russian conditions and the formation of the progress values in the scientific and professional communities. The specificity of the Soviet managerial ideology is shown.

Key words: ideology, industrialism, values, modernization, tradition, re-industrialization

---

В данной статье представлены результаты ретроспективного социологического анализа ценностных оснований идеологии индустриализма в России, выполненного в рамках исследования роли профессионала-актора в функционировании системы управления, которое было осуществлено автором в 2009–2014 гг.

На протяжении всего Нового времени было востребовано идеологическое обоснование научно-технического прогресса, так как индустриализация повсеместно разрушала сложившиеся веками общественные уклады. В СССР этот процесс был беспрецедентно стремительным. Задачей идеологии стало получение согласия общества в целом и отдельных социальных групп на болезненные перемены, которые невозможно осуществить лишь при помощи инструментов рынка или принуждения.

В настоящее время разработка эффективной идеологии становится вновь актуальной. В постсоветской России за 25 лет, прошедших с распада СССР и деиндустриализации, жизнедеятельность сообществ стала относительно устойчивой, сложились определённые ориентации, в том числе в сфере труда, в выборе профессии, которые очевидным образом не соответствуют потребностям новой индустриализации. Необходимы идеологические установки и формы их трансляции, не менее действенные, чем в эпоху советской индустриализации. Однако идеология не будет принята, если она не соответствует сложившимся в социуме ценностям.

Ценности в данном случае интерпретируются как идеальные цели и принципы, регулирующие жизнедеятельность индивида и социума.

Под индустриальной (или управленческой) идеологией подразумевается совокупность установок, обеспечивающих поддержку стратегий промышленного развития и необходимых для инноваций, а в иных случаях и принятия конкретных решений. Она формируется осознанно, с определённой целью и является в этом смысле конструктом. Но конструирование неизбежно трансформируется социальной реальностью, прежде всего ценностями, которые складывались веками и которые меняются долго и трудно. Роль российских регионов в этом процессе всегда была ключевой, так как именно провинция сохраняла и воспроизводила традиционные ценности. Успешность советской индустриализации свидетельствует о наличии в обществе ориентаций на развитие, которые и являются предметом настоящего исследования.

Существует обширный массив исследований, концепций и просто теоретических спекуляций, так или иначе связанных с идеологией индустриализма и лежащими в её основании ценностями. В то же время в отдельный, особый предмет она практически не выделялась и не отделялась от политической идеологии капитализма или социализма. В имплицитном виде индустриальная идеология присутствует в целом ряде теорий (О. Шпенглер [16], Т. Веблен [4], З. Бауман [2]), в социологии города (Р. Парк [12]), в индустриальной социологии в связи с исследованиями труда и мотивации работника (Э. Мэйо [21]), в исследованиях субъекта социального действия и технологии (Б. Латур [19]). Указанные работы обладают двумя наиболее общими чертами. Во-первых, прогресс рассматривается как феномен противоположный традиции и её установкам, последняя из социологических исследований по мере развития модерна почти исчезает, становясь предметом антропологии. Во-вторых, социология труда фиксирует существенно редуцированную личность работника, сведённую к роли или функции. Это характерно не только для теории начала прошлого века (Ф. Тейлор [15]), но и для современной социологии, уравнивающей субъектность работника с субъектностью всех прочих элементов трудового процесса (Б. Латур [19]).

В России осмысление идеологии индустриализма несколько иное. Её формирование проявилось в том числе в продолжении противостояния славянофилов и западников. Характерное для него противопоставление российской архаики и западного прогресса (промышленности, демократии и т.п.) отражается и в современной социологии. Например, А.С. Ахиезер пишет о перманентном расколе российского общества, связывая ценности прогресса в России с появлением творческих людей, получивших западное образование, а также с предпринимательской инициативой крестьян, большая часть которых сохраняет архаические, общинные ценности [1]. Однако традиция как предмет анализа не уходит из поля зрения социологов, даже если рассматривается ими с анти-модернизационной коннотацией. Особенностью советской и российской социологии труда был изначальный фокус на личность работника и его мотивации, на особой значимости его ценностных установок (В.А. Ядов,

А.Г. Здравомыслов [7]). Иными словами, даже противопоставление прогресса традиции в российском социологическом дискурсе сохраняет значение и важность последней. Возможно, оно является проявлением более глубокого противоречия, свойственного российской реальности.

Данное исследование анализирует процесс формирования прогрессистских идей в России, его задача заключается в выявлении традиционных ценностей, которые одновременно обусловили действенность идеологических установок и сформировали их российскую специфику, отсеивая не соответствующие традиции идеи и трансформируя сильнейшее влияние идеологии западного модерна.

Ценности развития в русской провинции: изобретатели-самоучки и народная селекция

В истории российской индустриализации есть парадокс, который достаточно сложно объяснить, не обращаясь к особенностям русской традиции. За полтора столетия, прошедших со времени реформ Петра I, в Европе осуществился промышленный переворот и сложился классический промышленный капитализм. Россия оставалась страной аграрной и помещичьей. Но в тот же отрезок времени в медицине был пройден путь от полкового лекаря до великого Пирогова, на мировой уровень вышла российская наука, несмотря на ограниченность практики, сложилась отечественная парадигма инженерной подготовки.

Разумеется, везде и всегда рождаются люди, которые тянутся к науке, искусству и профессиональному мастерству, однако для того чтобы природные способности реализовались, необходимо прежде всего одобрение общества (сообщества, социальной группы), то есть наличие в социуме соответствующих установок. Иными словами, Михаил Ломоносов должен был быть уверен в том, что его не отвергнет Москва и что в ней есть институты, позволяющие осуществиться его мечте, но также и в том, что его бегство не является слишком уж дурным поступком для его односельчан. Основатель российской науки был не одинок. В XVIII–XIX веках в Петербург и в Москву ехали учиться молодые люди из глубоко традиционной провинции, дети приходских священников, а как только стало возможным, и дети богатых крестьян. Таким образом, можно обоснованно предположить, что русская архаика сама по себе содержала ценности, которые создавали потребность в модернистском по своей сути обучении.

Легче всего эту особенность традиции проследить на примере деятельности инженеров-самоучек, народных самородков в период, следовавший за петровскими реформами, поскольку в данном случае создание технических инноваций осуществлялось непосредственно в традиционалистской среде. Кроме того, его наиболее яркие примеры хорошо известны, описаны историками и представлены в современной изобретателям публицистике.

Изобретательство в России существовало до и после XVIII в., но именно пореформенное развитие промышленности сделало известными имена Нартова, Ползунова, Кулибина, отца и сына Черепановых. Разумеется, это не было исключительно российским явлением. Изобретательство на Западе предшествовало промышленному перевороту и породило его. В ту же эпоху на рынок выходит множество технических инноваций, внедрение которых в итоге и создаёт машинное производство. Так, знаменитая прялка «Дженни», один из символов наступления машинной эры, была изобретением плотника и ткача Джеймса Харгвирса. Изобретатель паровой машины Джеймс Уатт учился делать инструменты у ремесленника и не был дипломированным инженером, инженерное образование в Англии появится много позже, чем в России.

В России судьба самих изобретателей складывалась по-разному, иногда относительно удачно. А.К. Нартов был придворным токарем Петра I. Кулибин заведовал механической мастерской Петербургской Академии наук, ремонтировал сложные механические игрушки при дворе Екатерины II, устраивал фейерверки. Черепановы за свои работы получили вольные, отец, Ефим Черепанов, был главным механиком всех Нижнетагильских заводов. Было множество мастеров, чьи имена не столь известны или до нас просто не дошли. Судьба почти всех их изобретений одинакова: они практически не выходили за пределы округа, одного или нескольких заводов или шахт, а в итоге практически все были забыты. Иван Иванович Ползунов умер от чахотки за неделю до испытания своей паровой машины, не выдержав напряжённой работы [5]. Машина потом сломалась, починить её не сумели и просто разобрали. Токарно-винторезный станок Нартова был вновь изобретён в Англии. Множество изобретений Кулибина так и не были воплощены в жизнь. Паровозы Черепановых заменены конной тягой.

Причины такого отношения к изобретениям видели в бюрократии, препятствующей их продвижению, в невежестве аристократии, для которой изобретатель был забавой, достопримечательностью, вроде пушкинской белки, грызущей золотые орешки. А позже причину неудач с внедрением изобретений находили в самих изобретателях. Если в XVIII в. их уважали, ими восхищались, то в следующем столетии отношение к ним странным образом меняется. Но и в XIX в. изобретателей меньше не стало. Изобретали ремесленники, рабочие на заводах и приисках, крестьяне. Врач Н.В. Слюнин в своей книге о самоучках пересказывает заметку, опубликованную в Земледельческой газете, о том, что в деревне Колбинской один плотник без модели и безо всяких чертежей, а только по указанию и рассказам своего брата, вернувшегося домой из военной службы, устроил подвижную крестьянскую молотилку, однако внимания общественности это не привлекло [14]. Отметим также, что самоучками были учитель К.Э. Циолковский и селекционер И.В. Мичурин. Но широкая слава пришла к ним в СССР, когда создавалась идеология советской индустриализации.

А в Российской империи народных мастеров вдруг начинают обвинять в отсутствии предприимчивости, в неказистости и бессмысленности самих изобретений. Лесков создаёт образ Левши, который сумел подковать английскую блоху, но она от того танцевать перестала. Очерки А.И. Яцимирского в журнале «Практик монтер» за 1903 г. эту позицию иллюстрируют примерами с Нижегородской ярмарки: «На Нижегородскую выставку 1896 г. было доставлено несколько машин и предметов, изготовленных русскими механиками-самоучками. Нетрудно было убедиться, что всё это были "неудачные изобретения неудачников-изобретателей", как справедливо охарактеризовал их сотрудник "Русских Ведомостей". По словам газеты, в XII отделе выставки, между блестящими сталью и медью огромными машинами, построенными с применением последних данных науки и техники, находится станок простой плотничьей работы, построенный крестьянином. Из описания станка можно видеть, что это льнопрядильная машина, которая при посредстве ножного привода должна приводить в движение 10–20 веретён. Смотря на этот станок, представляющий по существу видоизменение обыкновенной самопрядки, мы невольно задавались вопросом: знакомы ли изобретателю новейшие фабричные льнопрядильные машины? Если знакомы, то он плохо воспользовался сведениями. Интересно, между прочим, что железо в этом станке почти отсутствует. Все вертящиеся со значительной скоростью части – деревянные. Вряд ли где, кроме России, можно найти в исходе XIX в. в выставочном станке подобный курьёз» [18, с. 3–4].

По мнению Яцимирского, русским изобретателям не хватает предпринимательской жилки, кроме того, образования, потому их творения недоделаны: «Нам кажется, что в неуспехе каждого изобретения виновен прежде всего автор. Если он имеет в виду продуктивность своего изобретения, то должен позаботиться о всех подробностях, о лёгкости применения и возможности исполнения своей модели на деле» [18, с. 4].

Обвинения, предъявляемые интеллектуальной элитой изобретателям из народа, до обидного несправедливы. Прежде всего, практически предпринимательских способностей некоторым из самоучек было не занимать. При первой же возможности они пытались сделать своё изобретение настоящей рыночной инновацией. Терентий Иванович Волосков, ржевский часовщик, изобрёл способ выделки карминных красок и наладил их производство [6, 10]. Фёдор Абрамович Блинов, крестьянин Саратовской губернии, получивший вольную, изобрёл аналог современного трактора, открыл собственное предприятие, производящее насосы [6].

Причина глубокого разрыва между изобретателем и рынком во времена Ползунова и Черепановых не имеет отношения к их русскому характеру, ментальности и т.п. Она заключалась в неразвитости самого рынка. Во множестве объективных обстоятельств, тормозящих развитие промышленного капитала, в числе которых огромные расстояния и слабая транспортная инфраструктура. Паровые машины невозможно было обеспечить углём, лес вокруг завода быстро истощался. В этой ситуации конная тяга была выгоднее. Против Ивана Ползунова была сама экономическая эффективность. В Англии она будет как раз на стороне Джеймса Уатта, преодолевающего сопротивление разрушающейся цеховой системы.

В следующем столетии, в особенности в его второй половине, положение с коммуникациями начнёт меняться. Российская промышленность развивается, но изобретения уже не могут выдержать конкуренции с импортируемым из Европы оборудованием по причине относительной дешевизны последних. После промышленного переворота машины производят машины, именно с этими блестящими, совершенными агрегатами российские журналисты сравнивали деревянную льняную прялку. Разумеется, изобретатель не обязан был доводить до совершенства своё творение, его оттачивали под влиянием рыночных механизмов. Кроме того, к началу прошлого века машины усложняются, некоторые из них действительно требуют специальных знаний. Отсутствие защиты авторских прав приводило в некоторых случаях к элементарной краже идеи, в лучшем случае к независимому переизобретению, порождая нескончаемые и бесплодные споры потомков о приоритетах. Но вины изобретателей в нереализованности их изобретений не было, хотя обездвиженная блоха Левши до сих пор используется для иллюстрации их неспособности создавать истинные инновации.

На самом деле наибольший интерес представляют не причины неудач, которые ясны, по крайней мере, экономистам, но само существование народных самородков. Не всем изобретателям суждено добиться хотя бы черепановского успеха: получить вольную за свои разработки, несколько сотен рублей от императрицы, стать главным механиком шахт. Но, пожалуй, всех их объединяет истовая работа без перспективы выхода на рынок, который один только и мог обеспечить устойчивое богатство. Они одержимы своими идеями, составлявшими главную цель жизни. Порой эти идеи были выше самой жизни. Умиравший Ползунов не прекращает работу, почти не отходит от своей машины, несмотря на крайнее истощение и кровохаркание.

Иными словами, главный вопрос заключается не в том, почему изобретения не реализовывались, а в том, почему изобретательство вообще

имело место в таких условиях. Творческая активность шахтмейстера или часовых дела мастера ещё как-то объяснима, но деревенский плотник, по рассказу собирающий молотилку, явление и вовсе удивительное. Деревня архаична, глубоко консервативна, она не допускает инноваций. Но в то же время она уважает мастера, способного их создавать.

В истории русской провинции есть сюжеты малозаметные, напрямую не связанные даже с техническими инновациями, однако и в них прослеживается стремление что-то улучшить и развить. Так, например, была создана русская канарейка овсяночного напева. Попавших из Германии в Россию птичек начинают учить петь особым способом с помощью лучших отечественных певчих птиц. В результате появилась канарейка, песня которой состояла из множества мотивов. Причём разведение канареек было делом простых людей, им жили некоторые деревни и уезды. Одним из центров стал город Павлово на Оке, с которым связана ещё одна история. Местным жителям удалось создать культуру лимона, приспособленную к комнатным условиям, в русскую зиму в наших домах всегда было слишком сухо для цитрусовых (таких сортов и сейчас немного). Черенки по легенде привёз из Турции местный купец. Отметим, что павловский лимон был результатом действительно народной селекции.

В консервативных сообществах существовала, таким образом, высокая ценность мастерства, которое в данном случае заключается не в воспроизведении традиционных образцов, но в постоянном их совершенствовании, в поиске новых решений, которые можно назвать инновационными, правда, без рыночной составляющей этого понятия. Стремление добиться совершенства любой ценой также составляет часть этого потенциала. Материальное вознаграждение (доход, прибыль, премия) важно, но не является главной целью деятельности изобретателя. Само совершенство определяется в значительной степени представлениями о нём мастера, а не потенциального покупателя. Ограниченность рынка, таким образом, сохраняет приоритет культуры, а не коммерции в изобретательской деятельности. Отчасти по этой причине современным очарованным блеском английских машин и произведённых ими товаров, отечественные мастера кажутся неудачниками, а их произведения курьёзами. Они не были встроены в модель капиталистической индустриализации, но в то же время их деятельность означала наличие в российских локальностях потенциала развития, который и сделает возможным индустриализацию советскую.

Идеи техницизма на российской почве. Прогресс как ценность

В середине XIX века на Западе начинает складываться технократическая идеология, оформленная в начале прошлого столетия Вебленом в концепцию техницизма. Очищенный от всего социального и культурного, дистиллированный научно-технический прогресс провозглашается главным ориентиром нового мира, а инженер – его главным действующим лицом. Править миром должны не глупые буржуа, а инженеры, капитаны индустрии. Инженера не должны волновать социальные проблемы, его не касаются трудовые конфликты. Он отстранён, холоден и сосредоточен лишь на предмете своей профессиональной деятельности [4].

Перед реформами 1860-х эти веяния наступающего на Западе «железного века» в России отзываются идеями нигилистов. Юный врач Базаров противостоит своей жёсткой и циничной рациональностью высоким идеям сорокалетних «отцов». Слова Тургенева, произнесённые его героем: «Природа не храм, а мастерская, и человек в ней работник», – станут лозунгом советского индустриализма.

Приверженность научно-техническому прогрессу характерна для большинства интеллигенции, в особенности для инженеров и учёных-естествоиспытателей. Прогресс становится для них едва ли не главной ценностью. Идеология индустриализма в итоге возникает много раньше советской индустриализации. Например, в научно-популярном, просветительском романе В.А. Обручева «Плутония», написанном в 1915 г., есть поразительные для современного человека реакции героев, оказавшихся среди динозавров Юрского периода: «Ну и богатства в здешней стороне! – воскликнул Макшеев, – Какой руды хочешь – той и просишь. Хоть ставь тут универсальный металлургический завод! ... В это время над геологами, увлечшимися осмотром ископаемых богатств, быстро пронеслась большая тень, и одновременно послышался возглас Громеко: «Берегитесь летучего ящера!» [11, с. 173]. В другом отрывке инженер мечтает о колоссальном металлургическом заводе рядом с гигантским муравейником: «Он смотрел на эту стену с таким же воодушевлением, с каким дети разглядывают сладкую булку, полную изюма.

– Эх, какой колоссальный завод можно было бы основать тут! – сокрушался он.

– Несмотря даже на муравьёв? – с улыбкой спросил Каштанов.

– Несмотря ни на что! Разве в случае необходимости разработки этих сокровищ люди остановились бы перед полным истреблением надоедливых насекомых? В погоне за золотом европейцы вытеснили воинственных, краснокожих, людоедов-австралийцев, бушменов и кафров. Одной пушки и нескольких десятков гранат достаточно, чтобы истребить все муравейники этого берега с их населением» [11, с. 255].

Сторонников сохранения природы было много меньше. Тем не менее, дискуссия между ними и приверженцами прогресса была достаточно острой уже в конце XIX в. Научные идеи Вернадского стали идеологией охраны природы [17]. У этой части российской интеллигенции, представленной прежде всего профессионалами-биологами, было своё видение прогресса. Самым удивительным является то, что после революции они смогли его реализовать, несмотря на всю агрессивность индустриализации: созданная ими сеть заповедников со строгим режимом охраны была беспрецедентна и уникальна [3].

Идеи техницизма стали популярными в России, в особенности среди профессионалов, но образ чистого разума, отрешённого от социума со всеми его проблемами, не был воспринят. Ориентация на прогресс одновременно содержала идею служения народу у одних или царю и отечеству у других. В данном случае политический вектор значения не имеет, важна обязательность активной жизненной позиции, включённости в жизнь общества. Даже страстный рационализм Базарова выглядит скорее эпатажем, вызовом высокой духовности бар, не задумывавшихся при этом о лечении своих крепостных. Дискуссия сторонников прогресса с последователями Вернадского также, с нашей точки зрения, играет важную роль в формировании ценностной основы индустриальной идеологии, она сохраняет идею охраны природы в общественном сознании.

Индустриальная идеология в СССР: успехи и неудачи

Идеология сопровождала индустриализацию и коллективизацию, освоение Сибири и целины, осуществление атомного и космического проектов, а в иных случаях и краткосрочные отраслевые кампании. Её легко обнаружить, так как она транслировалась не только посредством СМИ и через деятельность партийных организаций, но и через искусство, литературу, кино, живопись, песни и т.п. Она, помимо всего прочего, должна была стимулировать принятие индивидом вполне конкретных решений, касающихся его жизненного пути, включая выбор профессии или места

работы и жительства. Например, такой мобилизующий призыв содержится в песне братьев Покрасс на слова Е. Долматовского из фильма «Девушка с характером» (1939 г.): *«Пусть много есть широких и солнечных дорог. Но лучшая дорога в края, где дела много, на близкий и любимый на Дальний Восток»*; в песне «Едут новосёлы» (музыка Е. Родыгина, слова Н. Солохиной): *«Вьётся дорога длинная, здравствуй земля целинная, здравствуй простор широкий, весну и молодость встречай свою»*. В этой песне есть и призыв к выбору вполне конкретной специальности: *«Ты ко мне приедешь раннею весною, молодой хозяйкой прямо в новый дом. С голубым рассветом тучной целиною трактора мы вместе рядом поведём»*.

Управленческая идеология прагматична, временна, а иногда почти сиюминутна, но во всех случаях она обладает неизменными свойствами. Во-первых, она предлагает дело значительное, имеющее большой смысл – великие стройки, свет людям, освоение недоступных территорий, построение города-сада и т.п. Во-вторых, в центре любого идеологически направленного произведения был человек, меняющий реальность. Главный герой книг и фильмов – всегда актер, сильная личность. Он противостоял не только враждебным силам, идеологически соответствующим эпохе (природной стихии, кулакам, вредителям, бюрократам, взяточникам, браконьерам), но и собственному началству, а иногда и коллективу. В этом смысле неважно, чем он был занят: покорял природу или, наоборот, защищал её, поднимал целину и строил заводы или спасал умирающую деревню.

Следующим важным свойством идеологии была её способность успешно ориентировать школьников на выбор профессии, делая популярными наиболее востребованные специальности, поставляя стране трактористов, лётчиков, инженеров, врачей, физиков. Эффективность советской идеологии до брежневского застоя, равно как и резкое её снижение в эту эпоху – предмет, достойный отдельного анализа. Здесь стоит отметить лишь очевидную, судя по воспоминаниям, зависимость результата от качества транслирующих средств: фильмы, которые смотрели несчётное количество раз; книги, которые перечитывались постоянно, были несомненно действенными. Произведения, созданные исключительно в идеологических целях, забывались очень быстро. В иных случаях эффективность идеологии обеспечивала яркая, неординарная личность. В 1950 г. десятиклассники выбирали МЭИ, потому что действительно стремились участвовать в великих стройках коммунизма, но многие из них увлеклись этой идеей, прослушав речь декана гидроэнергетического факультета Теодора Лазаревича Золотарёва на Дне открытых дверей: «Мы с Мишей Соколовым пошли на день открытых дверей в Энергетический институт – был март или апрель 1950 г., был жив Сталин, шли великие стройки коммунизма. А мы были тогда очень большие патриоты и хотели в этих стройках участвовать, и хотелось, чтобы работа была интересная. Сначала выступил ректор МЭИ, а после него Теодор Лазаревич Золотарёв, декан гидроэнергетического факультета. Выступил с такой патриотической речью про то, что мы должны подготовить кадры для великих строек коммунизма, а оратор он был замечательный и говорил очень убедительно и зажигательно. Я говорю: «Мишка! На фиг этот МВТУ, идём в Энергетический» [9, с. 57–58]. Подобных воспоминаний об этом Дне открытых дверей много.

Важным фактором эффективности идеологии была её обоснованность сложившейся ситуацией. Так, мобилизационная идеология индустриализации соответствовала устойчивым представлениям о внешней угрозе, сложившейся веками готовности к войне. Народ в рамках этой традиции понимал и принимал её. Восприятие природы как врага и де-

спота в пору строек рубежа двадцатых и тридцатых годов было также объяснимо и понятно. Строительство велось на пустом месте, среди дикой природы, которая в тех условиях была равным, а иногда и более сильным противником, который разрушал плавунном строящиеся тоннели метро, сносил потоками воды мостовые перекрытия.

В то же время были идеи, которые социум не принял. Так провалилась попытка сделать общество прозрачным. Информирование – это норма общественного устройства западного модерна, одновременно важный элемент функционирования гражданского общества и управления в компаниях. Западная пропаганда стукачества была вполне успешной, в Википедии легко найти список выдающихся стукачей, начиная с 1777 г.: «Это список главных стукачей (свистунов – О.А.) из различных стран. Они пытались привлечь внимание к злоупотреблениям в правительстве или в больших корпорациях. Многие из этих стукачей потеряли работу или подвергались преследованиям, когда пытались пролить свет на нарушения» [20]. В СССР слова «донос» и жаргонное «стукачество» имеют исключительно негативную окраску. Более того, сама культура не смогла воплотить должным образом соответствующую установку. Надо сказать, что государство не предприняло иных серьёзных пропагандистских попыток сделать донос нормой, чем поощрение жалоб и сигналов, которое носило характер временной кампании. В списке великих стукачей значится лишь имя Павлика Морозова, но и он попал туда много позже самого события. Французский исследователь доносительства в СССР Ф.К. Нерар уделил ему целый параграф, в конце которого был вынужден признать, что приписываемой ему роли он не играл. Всё написанное о нём было издано в середине 1950-х гг. и с компанией по стимулированию информирования связано не было [10, с. 137]. Более того, в 1960–70-е гг. Павлик Морозов воспринимался скорее, как мученик, убитый отцом-деспотом, этот акцент меняет лишь перестроечная публицистика.

В кино и книгах, в песнях советские люди ловили шпионов и вредителей, отслеживали цепочки зелёных ракет, выпущенных вражескими диверсантами, и подбিরали коричневые пуговицы, оторвавшиеся от штанов нарушителей границы. Но вредители и шпионы оставались в них сторонним злом. Кроме того, главный герой всегда побеждал врага в открытом бою лицом к лицу. Донос в системе ценностей оставался дурным поступком, более того, при каждой новой попытке внедрения идеологической ориентации на информирование, культура усиливала противостояние. Так, от детей требовалась честность, но семья, школа, улица строго запрещали ябедничество. В собранных нами интервью, в мемуарах профессионалов содержится множество историй о сложнейших дилеммах, которые вынужден был решать подросток.

Старания государства, направленные на умножение числа информаторов, обеспечивали скорее дополнительные возможности для желающих свести счёты или получить какие-либо блага, например, освободившуюся после ареста «врага народа» комнату, для сумасшедших, одержимых какой-либо навязчивой идеей, короче, для личностей с различного рода девиациями. Стукачи предпочитали в большинстве случаев оставаться анонимными.

Точно также успеха не имела технократическая альтернатива традиционной семье. Она исчезала быстро и бесследно из политики властей и из общественного сознания. В 1920-е годы появились идеи тотальной функционализации быта рабочих, их семейной жизни [13]. Их нередко вспоминают в качестве примера тоталитарной идеологии большевиков, их попыток контролировать все стороны человеческой жизни. Представляется более важным то, что они так и не были осуществлены, и то, что

их источник лежал скорее в западном модерне, для которого революционная Россия стала своего рода социальной лабораторией.

Идеи обобществления, а на деле, предельной функционализации быта рабочих, воспитания детей, отдыха и приёма пищи, подчинённых функциональности и рациональности промышленной, сформулированы в брошюре Л. Сабсовича [13]. В ней представлен даже план оптимального устройства комнаты, выверенный до метра. Дети должны быть отделены от родителей, воспитываться рационально и разумно и т.п. Любовь и семейные ценности объявляются мелкобуржуазными и нерациональными. Но уже в конце 1930-х годов инновационные принципы нового быта стали экзотикой. Мещанский уют вышел победителем. Однако говорить о полной реставрации традиции также нельзя. Часть инновационных идей была воспринята и внедрена. Система яслей, детских садов, групп продлённого дня в школах была создана, что действительно обеспечивало женщинам равные с мужчиной возможности работать, не разрушая при этом традиционалистской основы семьи.

Заключение

Идеологическое воздействие всегда проходило через множество социокультурных фильтров. Их роль играли, в том числе сами каналы трансляции, прежде всего кино и литература. Они не позволяли, во-первых, нарушить законы жанра, требовавшие от героя определённого поведения, во-вторых, они опирались на культурную традицию, которая часто вполне успешно противостояла попыткам их переделать или вовсе отменить. Традиции, сложившиеся в семье, в школе и университете и во всех прочих сферах социокультурного воспроизводства, могли не пропустить ту или иную установку, трансформировать её до неузнаваемости, заменить на противоположную по смыслу.

Идеология, таким образом, была и будет успешной, когда она опирается на ценности развития, содержащиеся в самой российской традиции. Следует иметь в виду, что источником реформ были столицы, они скорее и легче принимали перемены, но успех реформирования зависел от провинции, от согласия регионов, которые были и нередко остаются традиционалистскими. Эта традиция имеет собственный потенциал развития. Она существенно отличается от архаики, в которой повторяются раз и навсегда заданные циклы, а время движется по кругу. В числе главных традиционных ценностей, обеспечивших принятие индустриализма, мастерство и стремление к совершенствованию (а не только к повторению образца), не ограниченному при этом цеховыми правилами, то есть ценностью можно считать и свободу творчества мастера.

Ценность прогресса, которая в Российской империи складывалась в первую очередь в кругу профессионалов, в советское время распространилась на всё общество. Но важно иметь в виду, что прогресс в регионах воспринимался и воспринимается до сих пор именно как научно-техническое, промышленное развитие. Радикальные изменения социальных отношений и взаимосвязей установки на прогресс не предусматривают. Они, как показал опыт СССР, могут меняться лишь до определённого предела. Так гендерное равенство было принято достаточно легко, а разрыв связи детей и родителей отторгалось категорически, равно как и солидарные отношения внутри сообществ не удалось разрушить и сделать последние прозрачными путём пропаганды доношительства.

Всё перечисленное необходимо иметь в виду при разработке идеологии ре-индустриализации. Прямое и точное копирование западного модерна не удалось ни при Петре I, ни в СССР. Не стоит тратить на него силы и средства. Идеология в случае её неприятия по причине несоответствия базовым ценностям оказывается бессильной даже при эф-

фективных средствах её трансляции. Необходимо поэтому учитывать возможности и ограничения, содержащиеся в ценностях, которые по-прежнему воспроизводятся в современной России.

Литература

1. Ахиезер А.С. Россия: критика исторического опыта (социокультурная динамика России). Новосибирск: Сибирский хронограф, 1998. Т. 1. От прошлого к будущему. 804 с.
2. Бауман З. Глобализация. Последствия для человека и общества. М.: Весь мир, 2004. 188 с.
3. Вайнер Д. Экология в Советской России. Архипелаг свободы: заповедники и охрана природы / Пер. с англ. М.: Прогресс, 1991. 396 с.
4. Веблен Т. Теория праздного класса. М.: Прогресс, 1984. 183 с.
5. Виргинский В.С. Иван Иванович Ползунов, 1729–1766. М.: Наука, 1989. 173 с.
6. Деревянченко А.А., Чулков А. Г. Волжский самородок: Страницы жизни Ф. А. Блинова. Саратов: Приволжское книжное издательство. 1990. 176 с.
7. Здравомыслов А.Г., Ядов В.А., Рожин В.П. Человек и его работа (социологическое исследование) / Под ред. А.Г. Здравомыслова, В.П. Рожина, В.А. Ядова. М., Мысль, 1967. 392 с.
8. История Ржева: Очерки по истории ржевской земли / Л. Сорина и др.; сост. У. Ожогин. Тверь; Ржев: Ржевское производственное полиграфическое предприятие: Альба, 2000. 281 с.
9. Мы строили и жили в XX веке. История одного курса МЭИ / Отв. ред. Л.С. Лаленко. М.: Астрель, 2011. 336 с.
10. Нерар Ф.К. Пять процентов правды. Разоблачение и доносительство в сталинском СССР (1928–1941). М.: РОССПЭН, 2011. 398 с.
11. Обручев В.А. Плутония. Необычайное путешествие в недра земли. Ленинград-Москва: ОНТИ, 1935. 344 с.
12. Парк Р. Избранные очерки: Сб. переводов. / РАН ИНИОН. Центр социал. науч.-информ. исслед. Отд. социологии и социал. психологии; Сост. и пер. с англ. В. Г. Николаев; отв. ред. Ефременко Д. В. М., 2011. 320 с. Сер. «Теория и история социологии».
13. Сабсович Л. Социалистические города. М.: Госиздат РСФСР «Московский рабочий», 1930. 124 с.
14. Слюнин Н.В. Русские народные знаменитости. Рассказы о самоучках с портретами. I. Терентий Иванович Волосков. II. Проблески народного ума (малоизвестные самоучки): Лебедев, Голдырев, Бржехва, Щеглов, Земский, Микешин и пр. СПб. Тип. А.С. Суворина, 1880. 40 с.
15. Тейлор. Ф. Принципы научного менеджмента. М.: 1991. Электронная публикация: Центр гуманитарных технологий. 03.06.2010. [Электронный ресурс]. URL: <http://gtmarket.ru/laboratory/basis/3631> (дата обращения: 30.05.2015 г.).
16. Шпенглер О. Закат Европы. М: «Наука», 1993. 592 с.
17. Яницкий О.Н. Дневники В.И. Вернадского: их автор и публикатор // Вестник Института социологии. 2014. № 9. С. 132–149.
18. Яцимирский А.И. Русские изобретатели-самоучки. Факты и мысли // Практик-монтер. 1903. 1 февраля. № 3. С. 4–6.
19. Latour B. Reassembling the social An Introduction to Actor-Network-

Theory. Oxford: Oxford University Press, 2005. 301 p.

20. List of whistleblowers // Wikipedia. [Электронный ресурс]. URL: http://en.wikipedia.org/wiki/List_of_whistleblowers (дата обращения: 30.05.2015 г.).

21. Mayo G.E. The Social Problems of an Industrial Civilization. L.: Routledge, 2007. 200 p.

Транслитерация по ГОСТ 7.79-2000 Система Б

1. Akhiezer A.S. Rossiya: kritika istoricheskogo opyta (sotsiokul'turnaya dinamika Rossii). Novosibirsk: Sibirskij khronograf, 1998. T. 1. Ot proshlogo k budushhemu. 804 s.

2. Bauman Z. Globalizatsiya. Posledstviya dlya cheloveka i obshchestva. M.: Ves' mir, 2004. 188 s.

3. Vajner D. EHkologiya v Sovetskoj Rossii. Arkhipelag svobody: zapovedniki i okhrana prirody / Per. s angl. M.: Progress, 1991. 396 s.

4. Veblen T. Teoriya prazdnogo klassa. M.: Progress, 1984. 183 s.

5. Virginskij V.S. Ivan Ivanovich Polzunov, 1729–1766. M.: Nauka, 1989. 173 s.

6. Derevyanchenko A.A., CHulkov A. G. Volzhskij samorodok: Stranitsy zhizni F. A. Blinova. Saratov: Privolzhskoe knizhnoe izdatel'stvo. 1990. 176 s.

7. Zdravomyslov A.G., YAdov V.A., Rozhin V.P. CHelovek i ego rabota (sotsiologicheskoe issledovanie) / Pod red. A.G. Zdravomyslova, V.P. Rozhina, V.A. YAdova. M., Mysl', 1967. 392 s.

8. Istoriya Rzhveva: Oчерki po istorii rzhevskoj zemli / L. Sorina i dr.; sost. U. Ozhogin. Tver'; Rzhhev: Rzhevskoe proizvodstvennoe poligraficheskoe predpriyatie: Al'ba, 2000. 281 s.

9. My stroili i zhili v XX veke. Istoriya odnogo kursa MEHI / Otv. red. L.S. Lalenko. M.: Astrel', 2011. 336 s.

10. Nerar F.K. Pyat' protsentov pravdy. Razoblachenie i donositel'stvo v stalinskom SSSR (1928–1941). M.: ROSSPEHN, 2011. 398 s.

11. Obruchev V.A. Plutoniya. Neobychnoe puteshestvie v nedra zemli. Leningrad-Moskva: ONTI, 1935. 344 s.

12. Park R. Izbrannye oчерki: Sb. perevodov. / RAN INION. TSentr sotsial. nauch.-inform. issled. Otd. sotsiologii i sotsial. psikhologii; Sost. i per. s angl. V. G. Nikolaev; otv. red. Efremenko D. V. M., 2011. 320 s. Ser. «Teoriya i istoriya sotsiologii».

13. Sabsovich L. Sotsialisticheskie goroda. M.: Gosizdat RSFSR «Moskovskij rabochij», 1930. 124 s.

14. Slyunin N.V. Russkie narodnye znamenitosti. Rasskazy o samouchkakh s portretami. I. Terentij Ivanovich Voloskov. II. Probleki narodnogo uma (maloizvestnye samouchki): Lebedev, Goldyrev, Brzhekhva, SHHeglov, Zemskij, Mikeshin i pr. SPb. Tip. A.S. Suvorina, 1880. 40 s.

15. Tejlor. F. Printsipy nauchnogo menedzhmenta. M.: 1991. EHlektronnaya publikatsiya: TSentr gumanitarnykh tekhnologij. 03.06.2010. [EHlektronnyj resurs]. URL: <http://gtmarket.ru/laboratory/basis/3631> (data obrashheniya: 30.05.2015 g.).

16. SHpengler O. Zakat Evropy. M: «Nauka», 1993. 592 s.

17. YAnitskij O.N. Dnevnik V.I. Vernadskogo: ikh avtor i publikator // Vestnik Instituta sotsiologii. 2014. № 9. S. 132–149.

18. YAtsimirskij A.I. Russkie izobretateli-samouchki. Fakty i mysli // Praktik"-monter. 1903. 1 fevralya. № 3. S. 4–6.

19. Latour B. Reassembling the social An Introduction to Actor-Network-Theory. Oxford: Oxford University Press, 2005. 301 p.

20. List of whistleblowers // Wikipedia. [EHlektronnyj resurs]. URL: http://en.wikipedia.org/wiki/List_of_whistleblowers (data obrashheniya: 30.05.2015 g.).

21. Mayo G.E. The Social Problems of an Industrial Civilization. L.: Routledge, 2007. 200 p.